

Елена Касаткина

Списанная торба

Елена Касаткина

Списанная торба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68533751

ISBN 9785005929488

Аннотация

Лола Торбина целеустремленна и предприимчива. Она легко решит любую задачу и преодолет все проблемы. Но даже самый точный расчёт не может гарантировать счастья в личной жизни.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвёртая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Списанная торба

Елена Касаткина

Корректор Галина Владимировна Субота

© Елена Касаткина, 2024

ISBN 978-5-0059-2948-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Сильнее смерти бывает любовь. Бывает ли она
сильнее жизни?*

Г. Ландау

Пролог

Дюжина длиннопалых обезьян, лихорадочно потрясая хвостами и корча ехидные гримасы, бешено скакала вокруг. Они кидали ему в спину горящие спички, дико визжали, гоготали, периодически выдавливая из себя странные, похожие на клокотание пустых водопроводных труб, звуки.

Они издевались над ним, дразнили, плевались пенистой слюной.

Почувствовав удушающий запах гари, он обернулся, и его охватил ужас. Ярко-оранжевые шкурки обезьян искрились огненными всполохами.

Огненные обезьяны! Они хотят сжечь его! Сжечь прямо в квартире!

Он замахал руками, стараясь разогнать беснующихся животных, но только ещё сильнее распалил в них злость.

Всполохи становились ярче, глаза слезились, лицо горело. Он зажмурился, чтоб не ослепнуть. Стало страшно. Страшно сгореть заживо в собственной квартире.

Надо их остановить. Нет, остановить их уже не удастся. Надо остановить пламя.

Он бросился к раковине, раскрутил кран, но утробный рокот выплюнул редкие брызги и завыл пустотой. И тут он понял, что надо делать. Огонь можно остановить встречным огнём. Он выбежал в прихожую, сдёрнул с вешалки ватник,

бросил, опустился рядом с ним на колени, вынул из кармана спички. Руки тряслись. Он чиркал спичкой о коробок, кидал на ватник, чиркал новую, подносил к краям, пытаясь поджечь с разных концов. Загоралось плохо. Он дул на тлеющую ткань, набирая в лёгкие огромные порции воздуха, отчего кружилась голова, но он продолжал заглатывать воздух и, почти теряя сознание, дул до тех пор, пока огненные языки не покрыли ватник.

Чёрные мошки кружили перед глазами, он попытался встать, но ноги не слушались, в голове гудело, и тогда он пополз на четвереньках, как собачонка. Это был самый длинный и самый тяжёлый путь в его жизни. Он дополз до дивана и рухнул головой в разобранную постель.

Глава первая

Когда Всевышний раздавал красоту, Лола Торбина стояла в очереди за предприимчивостью. Поэтому из всего ассортимента женских прелестей ей достались только лучезарные голубые глаза. Всё остальное было малопривлекательным. Тонкий, заострённый к кончику нос, полоски бледных губ, прямые без изгибов брови.

С фигурой Лоле тоже не повезло. Руки, ноги и всё остальное было вроде как у всех, но каждый элемент в сборке выглядел «сам по себе». К тому же Лола сильно сутулилась. Тонкая, но длинная косичка из кучерявящихся во влажную погоду волос, закручивалась в старомодный крендель и закалывалась столь же старомодной заколкой на затылке.

Конечно, необыкновенно красивые глаза могли бы компенсировать нескладность фигуры и непривлекательность всего остального, но, как назло, в 5 лет у Лолы стал развиваться астигматизм. Красивые глаза пришлось спрятать за круглыми безобразными диоптриями, отчего девочка напоминала выброшенную из воды рыбу.

По праву рождения досталась Лоле красивая дворянская фамилия – Торбина. Но даже этот козырь был вычеркнут из списка её достоинств несносными одноклассниками, которые придумали ей обидную кличку – Торба. Возможно, для того, чтобы кличка прилипла намертво, одной фами-

лии могло и не хватить, но было ещё одно обстоятельство. По правилам, установленным педсоветом школы, всем ученикам полагалось носить с собой сменную обувь. Носили её кто в пакете, кто прямо в портфеле. Лола носила «сменку» в тряпичном, затягивающемся на верёвочку мешке. Торбу сшила мама, и отказаться от неё означало обидеть мать до глубины души.

Что только не делала Лола, чтобы избавиться от ненавистного мешочка. Втихаря перекладывала потрёпанные за лето сандалии в выцветший пакет с иностранной надписью. С такими ходили самые модные девчонки класса. Пакет она выторговала у одноклассницы за списанную домашку. Заметив подмену, мать строго спросила:

– А где моя торба?

Ладони Лолы покрылись потом.

– Постирала, – тут же нашлась девочка. – Она запылилась.

Мать благосклонно кивнула. На следующий день Лола вновь плелась в школу с ненавистной торбой.

Однажды она специально оставила «сменку» в автобусе, о чём, стыдливо пряча за круглыми линзами глаза, сообщила вечером матери. Мать тут же отправилась на автовокзал, к самому главному начальнику и через полчаса вернулась домой с «потерей» в руках.

В общем, Лола была обречена сносить насмешки одноклассников на долгие годы, пока...

Кстати, Лола была вовсе не Лола. Её настоящее имя бы-

ло – Лора. О чём имелась запись в свидетельстве о рождении. Своё теперешнее имя Лола получила благодаря короткой «уздечке». Из-за неё буква «р» произносилась как «л». Когда Лору спрашивали, как её зовут, она говорила: «Лола». Так и осталась Лора Лолой, даже после того, как уздечку ей подрезали и раскатистое «р» – стало звучать в произносимых словах тигрррриным ррррычанием.

Насмешки одноклассников закончились этак в классе пятом. Нет, Лола не превратилась из гадкого утёнка в прекрасного лебедя. На момент, когда другие девчонки уже хвастались друг перед дружкой в раздевалке набухшими грудками и охотно делились неприятностями первых критических дней, её фигура оставалась всё такой же нескладно-корявенькой. Плоскую грудь Лола прикрывала кружевным бантом, завязанным под белым воротничком. Она растягивала ленты, придавая банту пышность, и это несколько вуалировало отсталость её женского развития.

Помогла пресловутая предприимчивость. Лола довольно быстро просекла, каким образом она может добиться того, что ей нужно. Памятуя о некогда заключённой взаимовыгодной сделке – пакет на домашку, Лола стала использовать для соискания благосклонности у своих обидчиков уже опробованный метод. Метод работал. Будучи девочкой смышлёной, моментально выделяющей главное и схватывающей на лету суть вещей, Лола с лёгкостью решала любые задачки, щёлкая их, как белка, орехи. Так Лола стала приторговывать в пря-

мом и переносном смысле своим умением справляться с задачами. С их помощью она решала задачу глобальную – завоевание авторитета среди сверстников.

Авторитет и уважение Лола заслужила, и теперь в лицо никто не осмеливался называть её обидной кличкой, но между собой ребята продолжали называть Лолу Торбой. Купить молчание можно, любовь и симпатию – нет.

На момент окончания школы все одноклассницы уже встречались с мальчиками. Некоторые даже успели сменить сразу несколько «бойфрендов». У каждой была пережита первая любовь, у некоторых даже с поцелуями. Были и те, кто намекал на отношения более близкие, чем «охи» и «ахи» с невинными поцелуями. И только Лола встретила своё совершеннолетие целомудренно-стерильной. Ни в кого Лола за свою семнадцатилетнюю жизнь ни разу не влюбилась, никто не влюбился в неё. Сказать, что это очень расстраивало Торбу, было бы неверно. Скорее, озадачивало. Но решать задачи она умеет. Было бы «условие».

Глава вторая

Ванька Зорькин был очень похож на популярного певца Алексея Глызина. Невысокий, голубоглазый и вечно улыбающийся. Ваньку любили все, особенно друзья, потому что Ванька из тех людей, что последнюю рубашку с себя снимут и другому отдадут. Ванька был именно таким. Щедрым на всё. А особенно на шутки.

«Смышлёный малый», – говорили про него учителя и ставили в журнал пятёрки и четвёрки. Эта благосклонность помогла Ваньке легко поступить в военное училище, каковое имелось в их небольшом провинциальном городке.

Военное училище – место серьёзное. Тут бы Ваньке при-
смиреть, да воздерживаться от шуточек, но разве ж Ваньку
остановишь. Природная смешливость так и прёт из него. От-
того и случались с ним постоянные казусы. Особенно с веч-
но угрюмым полковником Зинкевичем.

– Я к вам прибыл из Генерального штаба, – любил под-
черкнуть Зинкевич, – а там дураков не держат.

После этой знаменитой фразы полковник стал постоян-
ным объектом для шуточек Зорькина.

– Где вы желаете служить? – как-то поинтересовался
у него Зинкевич.

– В Генеральном штабе, – улыбаясь, отвечает Зорькин.

– Ты что, идиот? – нахмурился Зинкевич.

– А что, это обязательное условие? – хлопает глазами Зорькин.

Конечно, весёлый нрав Зорькина тутому на юмор полковнику не понравился, и стал он к нему всячески придираться. Где бы ни находился Ванька, чем бы ни занимался, Зинкевич тут как тут.

– Чего делаешь, Зорькин?

– Выполняю ваш приказ, товарищ полковник.

– Так я ничего не приказывал? – удивлённо приподымает бровь Зинкевич.

– Так я ничего и не делаю.

Такие перепалки случались между преподавателем и курсантом чуть ли не каждый день. Ведь повод указать курсанту его место всегда найдётся: то воротничок не столь белоснежен, как подобает, то фуражка не так надета. И вообще:

– А это что? – разъярённый Зинкевич срывает с головы Ваньки фуражку и швыряет в сторону. Фуражка планирует вдоль строя, переворачивается, падает боком на плац, делает два круговых оборота вокруг своей оси и останавливается. – Почему не стриженный?

Свой коротко выбритый затылок полковник прятал под каракулевой шапкой, какая положена высшим чинам в армии. Надевать кучерявую шапку Зинкевич начинал задолго до установленного срока перехода на зимнюю форму одежды. Говорил, что голове холодно. На самом деле шапкой Зинкевич подчёркивал свою значимость и статусность.

– Так мне казённый каракуль не выдали, теперь отращаиваю свой, – не моргнув глазом, ответил Зорькин, чем окончательно нажил себе врага в лице полковника. Этот факт, впрочем, как и все остальные, не мог испортить Ваньке настроение. А настроение у Зорькина всегда «гуд». Оттого и улыбка во все щёки, и по-доброму хитрый прищур глаз, который сводил с ума каждую девчонку, попавшую в поле его зрения.

Девчата и раньше млели при виде Зорькина, а уж как он курсантом стал, так слюни бахромой стали пускать аж до земли. Пользовался симпатией девчат Ванька напропаляю без всякого зазрения совести, пока не влюбился в местную красавицу Вику Краснощёкову. Вика почти сразу ответила взаимностью, и такой бурный роман у них закрутился, что хоть брось всё и женись. А жениться хотелось поскорей, так как Вика – девушка порядочная, невинность свою берегла и Ваньку предупредила сразу – до свадьбы «ни-ни».

Подали заявление. А на раздумья аж три месяца. А как тут думать? Живой ведь Ванька, тестостерон в голову бьёт, думать мешает, да и не только в голову. Целых три месяца – это же 92 дня.

– А вот и проверка тебе будет. Если вытерпишь, значит, любишь, – как отрезала красавица на Ванькино: «Может, осторожно? Ну хоть на полшишечки?»

Но нет, никаких тебе шишечек, сиди и терпи. И терпел Ванька. Терпел, как мог.

Глава третья

Под малахольно-синим небом вращалась Земля. По ней, перепрыгивая лужи, шла худая, нескладная девушка в прозрачном, усыпанном синим горохом дождевике и с чёрной сумкой через плечо.

Неделю назад Лола подала заявление на участие в переписи населения. За поквартирный обход полагалось небольшое вознаграждение, а лишние деньги ей совсем даже не лишние. Кандидатуру рассмотрели и одобрили.

В кабинете, обитом лакированным деревом, сухая чопорная дама с лицом английского кокер-спаниеля, потрясая отвислыми брылями, провела подробный инструктаж, после чего выдала Лоле сумку, пачку анкет, карандаш и благословила призывом «Вперёд!».

Обход Лола начала с раннего утра. Район ей достался старый, с бетонно-плиточными домами и проживающими в них стариками. Перепись поначалу шла бойко. С утра старушки сообщали скоро и в дом пускали охотно. Каждая пыталась чаем напоить. Она не отказывалась. К чаю у одиноких бабулек всегда что-нибудь вкусное припасено. Попадались и одинокие дедульки, но очень редко. Дедульки чаем не угощали, на вопросы отвечали нервозно, с комментариями в адрес власти, изливая раздражительность смесью чеснока и махорки. В квартирах бабуличек пахло уютом и по-

рядком, квартиры дедулек пахли одиночеством и бессмысленностью существования. Очень напряжённый запах. Вдохнёшь его – и тоскливо становится. Крестики быстро наставишь и скорее вон бежишь на воздух, а, вобрав свежести, радуешься от сознания, что ты в квартире этой случаен и в целом в жизни этого человека так... мимоходом. Только чтобы зафиксировать факт существования на этой Земле.

К полудню у Лолы установилось стойкое мнение, что одна женщина прожить может. И даже вполне осмысленно и интересно, а вот мужчина... У мужчин всё сложнее. Не может мужчина один жить. Ориентир теряется.

Когда, разогнав тучи, солнце колесом выкатилось на середину неба, Лола почувствовала, что валится с ног, и... так некстати напоминали о себе несколько литров выпитого чая. Опершись сумкой на лестничную перекладину, она теребила последний чистый бланк анкеты. Перед ней были две квартиры. Лола топталась в сомнении. У дверей квартиры номер 79 лежал махровый коврик с выдавленным приглашением «Добро пожаловать».

Иногда совершенно неожиданно, интуитивно или нет, мы выбираем именно то, что в одночасье может поменять нашу жизнь. Судьба – не иначе.

Говорят, случайностей не бывает, есть только непознанная необходимость. Но выбери она дверь под номером 79, то и не стояла бы сейчас оглушённая и парализованная, не таращила свои лучезарные зеньки в толстые диоптрии и не вы-

глядела полной дурой в горошковом дождевике.

– Там что, дождь? – скривился Ванька Зорькин, разглядывая странную девушку.

Лола сглотнула воздух и выдавила:

– С утра был.

– Ааа... – протянул Ванька. – То-то у меня голова раскалывается.

Причина головной боли, конечно же, была не в непогоде, а в превышенной дозе алкоголя, выпитого на устроенном по случаю бракосочетания мальчишнике, но такая мысль Ваньке в голову прийти не могла.

– Ты кто? – Ванька накренил голову сначала к одному плечу, потом к другому.

– Переписчица, – выдавила Лола, чувствуя, как ноги становятся пластилиновыми.

– Пере... Что?

– Пи... писчица.

– А... Ну если писчица, то давай проходи. – Ванька отступил, пропустив Лолу в прихожую. – Ты извини, мы тут вчера покуролесили с ребятами, прибраться не успел. Давай, снимай свою клеёнку. – Галантно протянул руки.

– Это дождевик, – сконфуженно пролепетала Лола, стягивая с себя прозрачный плащ. Зажатая в руке анкета и болтающаяся на плече сумка мешали.

– Давай сюда. – Ванька вцепился в сумку, выхватил из руки анкету. Случайное прикосновение его пальца ошпарило

ей запыстье. Он даже не заметил, повесил сумку на крючок. Она поморщилась, ощутив в эту минуту, как сильно режет под мышками новый лифчик, и сконфуженно расправила скомканную на коленях юбку. Синтетическая ткань электризовалась и прилипала к ногам.

Он тоже посмотрел на юбку.

– Давай проходи на кухню, тебе же писать, там есть стол. Ручки, правда...

– У меня карандаш есть.

– Карандаш? – Взгляд Ваньки остановился на картонной коробке, что стояла в углу. – Ты знаешь, мне эта квартира от бабки досталась... Я тут и не жил почти, в казарме в основном. Да и не придётся уж... – Ванька склонился над коробкой, откинул картонную створку. – Ты смотри, одну-таки оставили. – Вынул бутылку шампанского. – Будешь?

– Я не пью. – Лола прошла в кухню и опустилась на шаткую табуретку.

– Так это же шампанское. Что тут пить?

Ванька взболтал бутылку.

– А, понимаю, при исполнении, ладно, давай, задавай свои вопросы.

«Давай, давай, давай» – эта манера постоянно вставлять слово-паразит в других обстоятельствах действовала бы ей на нервы, но сейчас, одурманенная его сокрушительным обаянием, Лола этого не замечала.

Пока она задавала вопросы и ставила в анкете крестики,

Ванька, прогрохотав горкой грязной посуды, выудил два синих фужера, ополоснул их под краном и поставил на стол. Сел напротив, одной рукой подперев голову, другой поставив бутылку шампанского на колено.

От такой близости перед глазами поплыли голубые облака. Они маячили, заволакивая текст анкеты. Лола сняла очки, потёрла веки и подняла глаза.

– Ух ты! Глаза у тебя какие! – оторопел Ванька.

Она не видела его лица. В слеповатых глазах оно расплывалось огромным розовым блином. И хорошо, что не видела, иначе тут же умерла бы или провалилась в преисподнюю от его взгляда.

– За такие глаза надо выпить!

Он быстро скovyрнул с горлышка фольгу, раскрутил проволоку и встряхнул бутылку. Хлопок! Пробка ударилась о потолок и отрикошетила в раковину, расколов пополам тарелку. Пенная струя вылетела из горлышка, забрызгав стол, анкету, очки и испуганное лицо Лолы. Она схватила со стола очки и стала судорожно вытирать их о юбку.

– Да брось ты их. Это просто преступление – прятать такие озёра за стёклами. Давай за глазки твои восхитительные! – Наполнил бокалы и протянул один Лоле.

Доверчивой и наивной Лола не была, но таких слов ей никто никогда не говорил, она осторожно взяла бокал и поднесла к губам.

– Постой, надо же чокнуться! – Ванька подмигнул. – А да-

вай на брудершафт?

Брудершафт – это когда с поцелуем. Она ни разу не целовалась, даже не представляла, как это. Нет, не так. Она представляла, сотни раз представляла. Открыть рот, впиться губами, просунуть язык. Однажды она даже пробовала «как это» на солёном помидоре. Ерунда, только забрызгала кофту.

– Давай! – Он просунул руку ей под локоть и опрокинул бокал. Она пила долго, медленно, обдумывая и представляя, каким он будет. Первый поцелуй. Снова напомнила о себе боль под мышкой. Лифчик теснил грудь.

Она допила шампанское и зажмурилась.

Всё произошло просто и совсем не так, как ей хотелось. Он чмокнул её в щёку и тут же отстранился. Она разочарованно открыла глаза. Ванька, как ни в чём не бывало, разливал остатки шампанского по бокалам.

– Я больше не буду, – обиженно буркнула Лола, вынимая карандаш из мокрой алкогольной лужицы.

– Ну как хочешь, – не замечая её досады, Ванька залпом осушил сначала свой, а потом и её бокал. Вытерев ладонью рот, он с упоением присосался к горлышку бутылки. Вскинул её дном вверх и, kloкоча кадыком, допил содержимое, после чего грохнул бутылку о стол и громко икнул.

– Ой, извини, – весело рассмеялся Ванька.

Лола надела очки, взяла кончиками пальцев уголок анкеты, приподняла её, встряхнула... И в этот момент почув-

ствовала, как требовательно заняло внизу живота. Если бы не шампанское, всё могло бы закончиться «спасибо, до свидания» и галопирующим забегом до дома. Но вышло по-другому.

Низ живота скрутило режущей болью. Терпеть больше не было сил. Дверь с пластиковой наклейкой «Писающий мальчик» – вот тут, рядом с кухней, – стандартная советская планировка. В трёх шагах, которые она ещё в силах сделать, если не затягивать.

Пока Лола преодолевала ужас и стыд, Ванька, облизав губы, откинулся на спинку и принялся разглагольствовать.

– А вообще зря ты меня переписала. Я ни сегодня-завтра уеду к месту службы. Оставлю этот Богом забытый городишко, – Ванька продолжал делиться планами, а Лола скурживалась на стуле, усиленно выдавливая из себя улыбку и делая вид, что внимательно слушает. На самом деле ничего из произносимого она не слышала. Боль поднималась всё выше и уже барабанила по вискам. – Эх, охотой займусь, – продолжал Ванька, – и рыбалкой. В свободное от службы время, конечно. Места там, говорят... Зашибись. В лесах даже медведи водятся. Ты когда-нибудь медведя вживую видела, ну так, чтобы не в цирке, а в жизни?

Только тут Ванька заметил, что гостья сворачивается в форму зародыша.

– Ты чего? Плохо тебе?

– Угу, – улыбка сползла на подбородок и вывернулась ко-

ромыслом. – Мне надо в туалет.

– Ого, это тебя со ста грамм шампусика так? – Ванька протянул руку. – Давай помогу.

Лола замотала головой.

– Я сама, – скрючившись, она доплелась до двери с «писающим в горшок мальчиком» и просто ввалилась в туалетную комнатку.

Когда вышла, Ванька стоял у раскрытой форточки и пытался губами слепить кольца из сизой струйки дыма.

Стараясь не глядеть в его сторону, Лола схватила со стола мокрую анкету и со словами «Мне пора», развернулась к выходу. Она сделала всего пару шагов, как услышала позади себя сдавленный смех. Ему смешно! Гордо задрав подбородок, уверенным шагом направилась в прихожую.

– Стой, ненормальная! – Ванька догнал её. – Так и пойдёшь с юбкой в трусах.

Лола не сразу поняла, что он имел в виду, лишь когда Ванька протянул руку, она оглянулась и увидела свою голую ногу и часть ягодицы в розовых трусах. Юбка торчала сверху скомканным пузырьём. Она заправила юбку в трусы! Как такое могло с ней произойти и почему именно сейчас, именно здесь? Всегда бледное лицо покрылось бурыми пятнами. Она стала дёргать подол, но получилось ещё хуже, трусы сползли вместе с юбкой вниз, оголяя верхнюю часть ягодицы.

– Давай я! – прозвучало над ухом. Тихо, с хрипотцой. Тёплая ладонь легла на оголённую часть, протиснулась под

резинку и опустилась вниз. Пальцы упёрлись в ягодичную складку... Он придавил её к себе, свободной рукой стянул трусы вместе с юбкой и потянул к кушетке.

Она не сопротивлялась, она провалилась в ту самую преисподнюю, которая маячила перед ней, как только открылась дверь в квартиру номер 80.

Каждый толчок приносил ей боль. Она вскрикивала. Но эта боль была такой сладкой, такой томительной. Она сама распотрошила кофточку, просунула руку за спину и растегнула давивший лифчик, чтоб ничто не мешало наслаждаться этой болью, чтоб ничто не отвлекало, не портило ощущение греховного плотского всепоглощающего счастья.

Всё кончилось неожиданно быстро, словно оборвалось на полуслове. Он встал и, словно чумной, пошатываясь и придерживая рукой сползающие джинсы, ушёл. Она услышала только глухой шлепок свалившегося на кровать тела и мгновенное после этого смачное похрапывание. Лола поднялась с кушетки, натянула трусы и юбку, вытянула через рукава лифчик, сняла с крючка дождевик и сумку, вложила лифчик в сумку, застегнула на груди кофту и вышла из квартиры номер 80.

Глава четвёртая

После десяти секунд задумчивости, выпустив белесое облако выхлопа, двигатель наконец завёлся... Голубой «Москвич», выпятив зад, отъехал от бордюра и, описав на влажной земле колёсами букву «С», вырулил в сторону арки.

Старый автомобиль Зорькину в складчину подарили друзья. На свадьбу. Ждать дня бракосочетания не стали, подарили заранее, и Ванька вот уж неделю как наматывал счётчик километража по свадебным хлопотам вместе с будущей женой Викторией Краснощёковой.

Несмотря на суеверное «нельзя дарить заранее», роскошный по тем временам подарок будущим молодожёнам пришёлся кстати. Он помогал решать предсвадебные проблемы, а в свободное от забот вечернее время позволял наслаждаться автопрогулками.

Нарезав несколько кругов по закольцованным вдоль небольшого городского озера дорожкам, Ванька притормаживал в тени старой плакучей ивы, где влюблённые, скрытые раскидистой кроной ветлы, могли предаваться любовным утехам. Вика позволяла жениху многое, доводя его до иступления, но невинность свою продолжала блюсти.

Ежедневно в два часа дня Ваня заезжал за Викторией. Терпеливо ждал у подъезда и, когда красивая и нарядная невеста появлялась на крыльце, галантно распахивал перед ней дверь.

цу автомобиля.

После пропущенных с разрешения невесты двух дней – на мальчишник и отходняк после него – накопилось сразу несколько дел. Сегодня они должны были доплатить оставшуюся сумму за кафе, развесить по стенам шары и нарисованные Викой и её подругами свадебные плакатики, а также забрать из химчистки Ванькин костюм. Список дел хранился в бардачке голубого «Москвича» в виде розового, переливающегося обложкой блокнота. Садясь в машину, Вика первым делом доставала блокнот и зачитывала намеченные «на сегодня» планы. В конце дня исполненные обязательства вычёркивались, и блокнот возвращался назад в свой тайник.

Заметив на лобовом стекле птичий помёт, Ванька чертыхнулся и заглушил мотор. Самому ему на это фиолетово, но Вике такое «украшение» вряд ли понравится.

Он вышел из машины, достал из кармана носовой платок и принялся оттирать со стекла чёрно-белую кляксу.

– Это на счастье, – услышал позади себя Ванька и оглянулся.

Рядом с ним стояла и улыбалась... переписчица. Он едва узнал её. Сегодня девушка была без очков, вместо уродливого кренделя на затылке лицо обрамляли волны мягких, разлетающихся на ветру волос. Яркость голубых глаз подчёркивал нежный румянец щёк. Губы блестели розовой помадой. Она была хороша. От неё исходил какой-то особенный флюид. Флюид женственности. Чёрт, он ведь даже не знает, как

её зовут.

– Привет! – завихрастые кудри запрыгали пружинками.

– П... П... Привет, – заикал Ванька.

– Твоя?! – Лола кивнула на автомобиль.

– Мой, – уточнил Ванька.

– Я тоже мечтаю научиться машину водить. – Лола погладила капот. – Когда-нибудь.

– Ты переписывать пришла? – Ваньку осенила спасительная мысль.

– И это тоже... – Она улыbnулась как-то по-особенному, чуть вызывающе, так, что он сразу догадался: здесь она по его душу. – Покатаешь?

Ванька оглянулся, на лавке у подъезда сидели две старухи и в упор разглядывали Ваньку и его знакомую.

– Садись, – Ванька кивнул на дверь, скомкал грязный платок, запихнул в карман джинсов.

Лола торжествующе посмотрела в сторону приподъездных свидетельниц, грациозной походкой обошла машину и, распахнув дверцу, царственно опустилась на пассажирское сиденье.

На этот раз автомобиль завёлся сразу и торопливо выскочил из двора, плюнув углекислой струёй в сторону любопытных старух.

Пока Ванька мчал по городским улочкам, Лола, опустив стекло, ловила горячими губами свежий августовский воздух. В этот момент она была счастлива как никогда. Подру-

лив к заросшей кустарником стороне парка, Ванька заглушил мотор. Сердце Лолы заплясало чечётку.

– Как тебя зовут? – спросил Ванька, не поворачивая головы. Его руки продолжали держать руль.

– Лола.

– Надо поговорить, Лола. – Ванька оторвал руки от руля и зажал их между коленями. – То, что случилось... Ну... Это не со зла, понимаешь. Я не знаю, что на меня нашло. Шампанское дурное какое-то...

– Ты что?! – Она попыталась заглянуть ему в лицо. – Я тебя не обвиняю. Я... Я рада... Я...

– Извини меня. Я не должен был... И я не подозревал, что ты девственница.

– Да ты что? Думаешь, я жалею. – Тонкая рука коснулась его щеки, попробовала повернуть к себе лицо, но он увернулся и заговорил торопливо, чтоб она не успела перебить.

– У меня есть невеста. Я женюсь. Через два дня. Это серьёзно. Мы поженимся и уедем отсюда. Я её очень люблю.

Она не могла слушать. Каждое слово превращало её сердце в отбивную. Горло перехватило. Она тяжело задышала и закрыла руками лицо. Она не плакала, просто не хотела видеть этот мир, мир, который без очков она и так почти не видела.

– Ну нет, только не реви, – он погладил её спину, но она дёрнулась от него, ударившись коленкой о «бардачок». От удара крышка откинулась, и на пол вылетел розо-

вый блокнот.

Ванька наклонился, подобрал блокнот, положил его назад в «бардачок» и захлопнул крышку.

– Могу я что-то для тебя сделать?

– Да, – сухо ответила Лола и оторвала руки от лица. – Купи мне мороженое.

– Что?! – удивился Ванька. – Мороженое? – Он глянул в сторону парка. – Сейчас, подожди.

Он вышел из машины и пошёл по аллее, огибающей парк.

10 минут. У неё было 10 минут. Может, 15, но не более. Лола вынула из сумки очки, надела, толкнула коленкой крышку бардачка и из открытого зева достала розовый блокнот. Пробежала записи глазами. Закрыла и положила блокнот в сумочку. Потом оглянулась и, не заметив никого поблизости, быстро стянула с себя трусики. На белой ткани просматривались розовые следы потерянной вчера невинности. Торопливо запихнула трусики в «бардачок» и захлопнула крышку.

Когда из-за поворота с мороженым в руках показался Зорькин, Лола открыла дверь и, придерживая руками юбку, выбралась из машины.

– Вот. – Ванька протянул мороженое.

– Ммм, крем-брюле! – улыбнулась. – Спасибо! Люблю крем-брюле.

– Мир? – неуверенно спросил Ванька.

– Ага, – лизнула мороженое. – Ну ладно, я пойду.

– Может, тебя подвезти куда-нибудь? – косясь на часы, спросил Ванька.

– Не надо. Я уже приехала. Пока. – Лола крутанулась на каблучке и пошла, покачивая бедрами, прочь.

Глава пятая

Бесчисленные стада скрученных жгутом свинцово-серых облаков меланхолично проплывали мимо крохотного, запылённого временем окошка старого барака времён, как шутил Ванька, первой империалистической.

– Вот это да! Как ты такое провернула?! Как тебе только в голову пришло? А если бы он не простил?

Рита Петрова в голубом прозрачном пеньюаре восседала на огромном немецком чемодане, обклеенном «переводилками» с некрасивыми немецкими девушками. Девушки были красивыми ровно до момента появления в жизни Алексея Петрова Риты и, конечно, соперничать с ослепительной русской красотой не могли.

– Простил? Ха! За что? – Лола два раза присела, разминая боль в коленях.

– Ну как?! Ты сорвала ему свадьбу!

– Он сам себе её сорвал. И прекрасно это понимал. Да и она хороша. Невинная овечка. Испытание устроила. Целочку свою берегла. С ней и осталась. Так что никто не в накладе.

– Ну, знаешь, я до свадьбы с Лёшкой тоже не спала. – Рита обижено выпятила сочную губу.

– Ты – другое дело, не сравнивай, ты в другом городе жила, у вас романтика и всё такое. – Лола подобрала с соседне-

го чемодана свёрнутый в рулон дивандек, тряхнула. – Тяжёлый, зараза. Помоги!

Всколыхнув волну оборок, Рита встала с чемодана и, подхватив с другой стороны края дивандека, накрыла им полукторный диванчик. Диван-книжка – единственная мебельная собственность четы Зорькиных – служила для сна одновременно обоим парам. И Зорькиным, и Петровым. Так уж получилось.

К месту службы, пригородный посёлок Виденицы, обе пары приехали с разницей в три дня. С жилплощадью в гарнизоне была напряжёнка. Зорькины приехали первыми. Им пообещали настоящее «своё» жильё в виде комнаты в старой коммуналке, но... через неделю. «А пока поживите в бараке. Временно. Как только комната освободится, сразу переедете», – заверил начальник жилищной службы Печкин.

Прибывшим в гарнизон позже Петровым свободного жилья не нашлось. На то, чтобы снять комнату у какой-нибудь поселковой старухи, не хватало денег. Но, как говорится, не имей сто рублей, а имей друга Зорькина. А Зорькин – он ведь последнюю рубаху снимет и другу протянет, даже если друг этот – так себе друг, а Лёха Петров – не так себе друг. С Лёхой они одну тумбочку на двоих в казарме делили. Так неужели Ванька не разделит с Лёхой старый диван-книжку? Конечно, разделит.

– А давай к нам! – весело хлопнув Лёху по плечу, предложил Ванька. – Поживём недельку вместе, а там мы съедем,

а вы останетесь.

Так и порешили.

Рита с Лолой сдружились сразу. Никаких между ними «непоняток» – делить-то нечего. Разве что неустроенность да полуторный диван. Полтора – оно ведь на четыре не делится.

Выход нашла Лола.

– Приставим к дивану чемоданы и ляжем поперёк. Мы с Ритой посередине, мальчики – по бокам.

Сказано – сделано. Только вот ноги у мужиков подлиннее будут, чемоданы они «под себя» отодвигают, а у девчат из-за этого коленки в промежуток между чемоданами и диваном проваливаются.

«Ни дать ни взять – кузнечики!» – Ваньке смешно. Девчатам не очень. Но терпят, таковы они, тяготы жён офицеров.

Утром под лирический «Вечерний звон» будильника мужья отправлялись на службу, а жёны, отодвигая чемоданы, перекладывались на диван поудобнее доспать в комфорте. Только доспать не получалось. Начиналась обычная барачная жизнь: стук-бряк, мат-перемат и другие звуки жизнедеятельности обитателей ещё двенадцати клетушек.

Вот такое оно, общежитие: кричат, дерутся, пьяный сосед гоняется за соседкой, что-то по пути бьют, сносят развешанные по стенам тазы и кастрюли, срывают с батареи половые тряпки, лупят ими друг друга, потом грязные и мокрые затихают на время, чтобы через полчаса, как ни в чём не бы-

вало, вместе пить и закусывать чесночной колбасой. Запах чесночной колбасы настолько сильный, что пробивает собой все остальные ароматы.

А их немало: это и испарения хозяйственного мыла из выворок с бельём, и тошнотворные миазмы со смесью едкого хлорного порошка из единственного на всех туалета, и гнилостные выдохи пищевых отходов из не вынесенных с вечера мусорных вёдер. Весь этот «букет» всасывается в замочную скважину комнаты, где Лола и Рита наводят порядок, сопровождая утренний моцион историями из своего не далёкого прошлого.

– Но всё равно. Ты же не могла рассчитывать на то, что он на тебе женится после этого.

– Почему? Как раз могла. И рассчитала. Я всю жизнь прожила в этом городе и знаю, что курсанты все поголовно женятся сразу по окончании учёбы, никто не хочет ехать к месту службы в одиночестве. Каждому нужна баба, которая будет делить с ним тяготы военной службы. Обустраивать быт и всё такое. Как мы с тобой. На момент окончания училища все уже имеют невесту из местных.

– Прямо все? – Рита перевернула чемодан, приспособивая его под столик для завтрака.

– Почти. Только самые завалыщие... Да нет. Девчонки ведь тоже не дуры. Каждая хочет стать женой офицера, это же престиж. Так что разбирают всех до единого. – Лола взяла с подоконника чашки и поставила на чемодан, который

в дневное время превращался то в стол, то в табуретку.

– Удивительно всё это.

– Ничего удивительного. К кому ему идти было? Времени искать кого-то ещё уже не было.

– И что, он так просто забыл о ней?

– Забыл, не забыл, для меня это уже неважно. Я решила свою проблему. Я победила. Я его не в лотерею выиграла, я его добилась. И вот я здесь. – Свистнув резиновыми шлёпанцами, Лола прокрутилась на тонких ножках и, прихватив полы халата, присела. – Вуаля!

– М-да. Признаю, ты голова! Я бы до такого не додумалась. – Рита налила из кувшина воду в чашки. – А где кипяtilьник?

Спиральный завиток нашёлся в коробке.

Глава шестая

– Я не могу. Не могу! Куда ваш сын меня привёз? В какие условия? – взвизгивая и хлюпая носом, жаловалась свекрови в трубку Рита. – Мы живём в постоянном кошмаре. Невозможно выйти из комнаты, там вечно орущие дети и орущие на них родители, но самое ужасное то – в какой грязи, тесноте и вони мы находимся. Туалет... один на 50 человек. Это нормально? Туда просто невозможно попасть. Постоянная очередь. И лучше не попадать, иначе... – Рита захлюпала носом.

Лола посмотрела на посмеивающихся за окошком стойки телефонисток. Местные. Офицерские жёны. Сами прошли через такие бараки. Подслушивая чужой разговор и похихкивая, они смотрели на раскрасневшуюся от негодования Риту с немалой долей презрения.

– Хватит ржать, – грубо оборвала их Лола и пошла к кабинке.

– А ты как думала, милая? – услышала сквозь дверь несущийся из телефонной трубки глухой голос. – Хотела замуж за офицера – терпи. Крыша над головой есть – и радуйся. И не смей жаловаться. Ты сама свой выбор сделала.

– Но... – начала Рита, тонкая рука опустилась на рычаг. – Ты чего? Я не договорила.

– Нечего позориться. – Лола стребла в кулак Ритину коф-

ту и вытащила её из кабинки. – На весь гарнизон хочешь мужа своего опозорить? – прошипела ей в воротник. – Пошли отсюда.

– Но я за 5 минут заплатила?

Лола подтолкнула Риту к выходу, а сама вернулась к стойке. Нагнувшись к окошку, гаркнула так, что лицо дебелиной телефонистки стало каменным:

– Деньги!

– Сейчас, – залепетала та и стала суетливо выгребать двумя руками монетки из ячейки кассы. От усердия пергидролевая прядь волос на лбу телефонистки пугливо подрагивала. Забирая сдачу, Лола громко прочла напечатанное на картонке: «Марфушкина Варвара Федотовна» и выразительно посмотрела в глаза телефонистке, чем окончательно напугала её.

Как только подруги оказались на улице, Лола накинулась на Риту.

– Ты что, дура? Ты знаешь, что такое военный городок? Завтра весь гарнизон будет сплетничать о том, какую цацу Лёха Петров к ним привёз. Все твои слова переврут и в народ пустят, тогда начнётся. Тебе это надо?

– Нет, – Рита испуганно захлопала ресницами. – Что же теперь будет?

– Надеюсь, ничего. Я эту Марфушкину Варвару припугнула, чтоб она свой нос не совала, куда не надо. На... – Лола протянула монеты. – И знаешь что, ты деньги на всякую

ерунду не трать. Их не так уж и много. Ещё пригодятся. Давай лучше на них маргарин купим, а то нам рыбу не на чем будет жарить.

– На масле надо подсолнечном.

– Сразу видно, что ты в нашем военторге ещё не была. Откуда там масло? Да если бы и было... Оно стоит как крыло самолёта. Так что обойдёмся маргарином.

Детская пластиковая ванночка и жёлтое эмалированное ведро с пятнами отбитой эмали достались Зорькиным в наследство от предыдущих жильцов. Пока кипятильник грел воду, Лола расстелила на полу клеёнку, сбегала в коридор, сняла с гвоздя ванночку, вернулась и поставила её на клеёнку.

– Надо бы опробовать на устойчивость. А ну-ка, лезь.

Рита, подобрав подол пеньюара, ступила одной ногой на днище. Ванна предупредительно колыхнулась.

– Ладно, подопрём чемоданами.

Лола обложила ванночку по бокам многофункциональными чемоданами, потрогала пальцем воду в ведре.

– Нормально. Лезь первая.

Рита стянула с себя голубой пеньюар, обнажив крутые бёдра и маленькую острую грудь.

– Ну и фигура у тебя! – поджав тонкие губы, восхитилась Лола. – Как у индианки.

Кокетливо покачивая бёдрами, Рита обошла чемодан и ступила в ванночку. Присела. Тёплая тонкая струйка воды

выплеснулась из ковшика на голову и побежала с мурашками по смуглой коже. Лола протянула Рите бутылку с шампунем.

– Загорелая...

– Мы в свадебное путешествие на море ездили, – сдувая налипшие на губу волосы, объяснила Рита.

– Хорошо живёте... Свадебное путешествие.

– Так нам деньги на свадьбу подарили... А вы? Ездили куда?

– Нет.

– Почему?

– Не было у нас свадьбы. Некогда было. Расписались потихому, продали «Москвич» и сюда. На эти деньги диван купили, ружьё и удочки, остальное по мелочёвке потратили.

– Ружьё? – Рита замерла вместе с мурашками. – А зачем ружьё?

– Ванька – охотник. А здесь живностью леса кишат.

– Он что, будет зверюшек убивать? – окончательно скисло лицо Риты.

– Не зверюшек, а зверей, может, скоро нас зайчатиной побалует. Или уткой. Правда, на утку надо с собакой ходить.

– Какой ужас! – Рита схватила полотенце и укутала плечи. – Это живодёрство!

– Не говори ерунду! Это, во-первых, поддержание популяции в необходимых рамках, санитарная чистка, а во-вторых, законная деятельность. И нам подмога. Жрать-то что-то надо. На одних сушках долго не протянем с тобой. – Ло-

ла подняла ванну и слила помой в ведро. – И разулыбь лицо. Вот мужики с рыбалки улов принесут, будешь рыбу потрошить. Надо тебя закалять, а то ты в этих условиях долго не выдержишь, сбежишь к маме с папой.

– Ещё чего! – фыркнула Рита, растирая тело полотенцем. – Выдержу!

– Угу! – Лола подхватила ведро и направилась к выходу. У двери остановилась и с усмешкой посмотрела на подругу. – Ты график дежурств, что на туалете висит, видела?

– Ну видела, и что?

– А то! Через неделю наша очередь убирать общественные места. Мы-то к тому времени съедем, так что тебе придётся этот гадюшник драить! – Лола улыбнулась. – Поняла, принцесса на чемодане?

От этих слов воскресное зефирно-мармеладное настроение Риты переварилось в горьковато-кислую хандру. Чтоб доказать подруге, а в первую очередь себе, что не такая уж она и неженка, Рита скомкала пеньюар, затолкала его в чемодан, надела спортивный костюм, подвязала волосы косынкой и принялась намывать единственное окно. Простой физический труд вызвал прилив уверенности в себе. К моменту, когда Ванька с Лёхой вернулись с рыбалки, лицо Риты сияло так же, как отмытое до блеска окно.

Сжалившись над подругой, Лола чистила и потрошила рыбу сама. Не обращая внимания на обречённо хлюпающих губёшками карасей, она сдирала острым ножом чешую,

вспарывала тугое брюхо, вынимала тонкими пальцами кишки и, глядя на сморщенное личико Риты, смеясь, хлопала воздушный рыбий пузырь.

Рите досталась более гуманная миссия – пожарить рыбу на электрической плитке. Погоняв по сковородке кубик маргарина, Рита хватала большим и указательным пальчиками карася за хвост и брезгливо бросала на шипящую сковородку. Воздух в комнате быстро заполнялся сладковато-прогорклой смесью коптящего маргарина и прижаренной рыбьей шкуры.

Целую миску отодранных от сковороды рыбных лохмотьев подруги, смеясь и чавкая, уплели за десять минут. Мужья в пиршестве не участвовали. Ванька и Лёха, как и положено офицерскому составу, стояли на полном довольствии, потому рыбалка была не столько развлечением, сколько необходимостью накормить жён, ведь на них довольствие не распространялось.

Так, деля трудности пополам, они прожили неделю, после чего Зорькины из барака съехали, оставив Петровым в наследство детскую ванночку, ведро, кипятильник, электрическую плитку и аккурат подоспевшее дежурство по хозблоку.

Глава седьмая

Жизнь в коммуналке на пять семей только на первый взгляд кажется лучше, чем в бараке на тринадцать. Чуть меньше шума, чуть больше света, чуть легче переносятся запахи мест общего пользования. В остальном всё то же самое. Ни чихни, ни пукни, всё тут же становится известно всем. Всё тут же преувеличивается, перевирается и несётся молочной рекой пересудов вдоль кисельных берегов военного городка.

И живут в коммуналке люди разные, не только военнослужащие, но и те, кто к армии уже никакого отношения не имеет. Зорькиным с соседями повезло меньше всего. Из пяти комнат только две принадлежат офицерам. В остальном народ разношёрстный, можно даже сказать маргинальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.